

8/09/2021

«Итак, я жил тогда в Одессе...» - этой строкой Пушкин завершил «Путешествие Онегина»
«Итак, я жил тогда в Одессе...» - мог бы поставить Олег Губарь эпиграфом к своей монографии «Топонимика Пушкинской Одессы»

В Литературном музее, в его Золотом зале, прошла презентация книги, вышедшей из печати, увы, после смерти автора, ставшая, как сегодня видится, памятником не только Пушкинской Одессе, но и автору – литератору, краеведу, историку нашего города Олегу Иосифовичу Губарю.

Два фолианта. Шесть килограммов текста. Труд, на который ушли годы работы.

За последние три десятка лет мы много раз разговаривали с Олегом об этой книге.

Можно было составлять словарь одесских знакомых Пушкина. В двадцатых годах первую попытку такого словаря издал академик М. Алексеев, найдя 57 персонажей одесской истории. В восьмидесятых годах профессор С. Боровой уже располагал сведениями о 76 знакомых поэта. У Губаря их оказывалось больше ста... Но принцип биографий не удовлетворял его.

Как не радовал хронологический разбор, чем день за днем занимался поэт. Губарю хотелось увидеть Пушкина в молодом городе, ходить с ним по службе, по приятелям, вместе в ресторан и вместе в почтовую контору, вместе в баню и на пирушку...

Только Губарь, изучив архив Строительного комитета Одессы и выпустив о нем монографию, знал досконально, все постройки тридцатилетней Одессы.

Более того, занимаясь с Михаилом Пойзнером историей Первого кладбища Одессы, он, как говорится, похоронил сотни современников поэта.

Так выкристаллизовался принцип монографического исследования – через городские объекты, через владельцев и строителей, негоциантов и моряков, врачей и рестораторов ощутить Город и в нём Пушкина.

Мне кажется презентация, которую провел доктор исторических наук, профессор Александр Пригарин получилась на славу.

Как уместно в начале и в конце звучала гитара в руках любимого Олегом Димы Земскова (эх, а как задушевно играл Олег на гитаре).

Чувство юмора окрасило прекрасные выступления губернатора Одессщины Сергея Гринивецкого и мэра города Геннадия Труханова, профессионально звучали слова историков – Олега Добролюбского, Елены Полевщиковой, Игоря Шкляева, Виталия Абрамова, тепло, как-то домашнему говорили о вкладе Губаря в работу музеев Татьяна Липтуга и Алла Нирша...

Несколько слов сказал и я, по сути, что написал сейчас.

Как шла работа над изданием этой книги поделились ближайшие друзья Губаря – Анна Голубовская и Почетный гражданин Одессы Михаил Пойзнер. Они же подарили первые экземпляры книги библиотекам, музеям, почетным гостям...

Сегодня, 8 сентября 2021 года, «Топонимика Пушкинской Одессы» начинает жить своей жизнью. У неё появятся новые читатели. Но как хотелось бы, чтоб появились и продолжатели дела Олега Иосифовича Губаря, исследователи, которые будут углублять наше представление о Золотом веке Одессы.

22/09/2021

Завидую тем, кто слушал вживую Гоголя.

Завидую тем, кто присутствовал на чтениях Зоценко.

Конечно же, это белая зависть. Даже закрыв глаза, вдавивши себя в кресло, не повернешь время вспять.

Это запись из моего дневника за 22 сентября 2019 года.

Казалось, почти что вчера, а как невооразвратно всё изменилось

Два года назад я с упоением писал, что в этот день слушал, как читал, досель нечитанное, Михаил Михайлович Жванецкий.

Ведь много раз его слушал. И на концертах, и в клубе, и вот так – дома. А все равно ощущение счастья. Эти минуты, часы хотелось продлить.

Гарик Барац применил точную метафору. У Жванецкого ключи от нашего лета – он приезжает в Одессу, начинается лето, он собирает друзей, чтоб прочесть написанное в Одессе, лето заканчивается.

-А на дворе осень, зеленая осень, еще не желтая, - сказал Михаил Михайлович. И в этой фразе – зеленая осень – не было никакой политики.

Мы становимся свидетелями не просто долголетия, а творческого долголетия. Вчера праздновал 92-летие Юз Алешковский, недавно отмечали 85-летие Александра Кушнера. И Мише Жванецкому было за 85. Но он читал ранний рассказ – монолог воспитательницы детского сада, времен «Авас», читал рассказы 2019 года – и мы хохотали и над первым, и над нынешними текстами, так много в них точного про нашу жизнь.

Я рассказывал, что на 2020 год «Пласке» планировал выпустить календарь по

Старопортофранковской, а мы помним, что дом Ильфа, 137, от дома Жванецкого, 133, отделяют два шага

И последовала устная новелла про эту квартиру, где душ приспособили над туалетом, а ведь раньше был дворовой, где разговор в одной семье превращался в общедворовое собрание...

Сегодня, в 2021 году, мы ждем, что Старопортофранковской, 133 в легендарной квартире

легендарного писателя, увы, после его смерти, но будет открыт городской музей его памяти...

Сколько есть видео с выступлениями Жванецкого, сколько километров пленки запечатлели его неповторимое чтение. Мне кажется, что в этом музее можно будет круглосуточно слушать Михал Михаловича...

Мы привыкли, что у Жванецкого короткие тексты – от фразы до 2-3 страниц.

И неожиданно два года тому Михаил Михайлович прочитал объемный, многостраничный монолог, который я для себя назвал – «Маленький автобиографический роман».

И вновь ожили Рома и Витя, ожил Райкин, возникла ситуация холеры в Одессе, взаимоотношения писателя и власти – местной (Гладкая, Козырь), киевской (Шелест), московской (Полянский).

Уговорил Мишу этот Маленький автобиографический роман издать в Одессе, издать как одну книжку с иллюстрациями во Всемирном клубе одесситов.

Не успел. Заболел.

Только что в Одессе стараниями Наташи Жванецкой, мецената Алексея Ставничера вышел прекрасно оформленный том Жванецкого «Одесса». Там его пока нет. Надеюсь, не забудут «Маленький автобиографический роман» и издадут его в Одессе

У Жванецкого был назначен концерт в Одессе, 7 ноября 2019 года

Кстати, 7 ноября, 1990 года, сюда же на сцену театра музкомедии Жванецкий въехал на белом коне.

Мы открывали Всемирный клуб одесситов. Так что и для театра и для нас дата памятная.

А сейчас, в готовящийся 87 выпуск альманаха «Дерибасовская-Ришельевская» мы включили два приветствия Жванецкого – к юбилею Всемирного клуба одесситов и к юбилею нашего альманаха.

И мы вновь услышим, точнее – прочтём Жванецкого.

И запомним навсегда:

- В консерватории нужно что-то подправить....

1/10/2021

Пора нам в оперу скорей, - писал Александр Сергеевич. Увы, скорее не получится, поди знай, какие козни готовит нам коронавирус...

А 1 октября 1887 года состоялось торжественное открытие нового театра...

Недавно на концерте Ботвинова и Хоупа я еще и еще раз взглядывался в зал, в плафон потолка с живописью на шекспировские сюжеты, в мрамор лестниц.

Этому чуду 134 года.

И все эти годы - главное здание города.

Впервые я пришел в этот театр в 1949 году. Приехал из Казани брат отца декан мединститута Исаак Евсеевич Голубовский и пришел в ужас, что мальчику 13 лет, а он не ходит в оперный театр. Поехал в город, купил билеты на несколько спектаклей, но самым первым для меня был "Евгений Онегин"

Ощущение, что я был не потрясен, а раздавлен. Огромный оркестр, который хорошо был виден из ложи.

Дирижер, стоящий спиной к залу... Почему?

Люстра, которая, как мне казалось, если упадет... Нельзя сидеть в партере.

И дуэль на сцене. Я читал роман в стихах. Что-то помнил наизусть, но чтоб на твоих глазах убивали Ленского.

Уже не помню, а может и тогда не знал, кто кого пел.

Это сейчас я могу с гордостью сказать, что на этой сцене слушал Николая Огренича, Евгения Иванова, Анатолия Дуду, Анатолия Капустина, Анатолия Бойко, Людмилу Ширину, Галину Поливанову, Раису Сергиенко..

Специально ходил на балеты, где танцевала Наталья Барышева. Какая была с ней "Кармен-сюита"

И театр всегда казался мне чудом. Будучи когда-то сладкоежкой, я для себя придумал образ - театр - это фантастический торт из бизе или из безе, созданный влюбленным в город кондитером. А ведь в действительности его сложили из нашего ракушечника.

Когда в ночь на 2 января 1873 года сгорел первый городской театр, открытый еще при Ришелье 10 февраля 1810 года, это им восторгался Пушкин, одесситы, отгоревав, объявили конкурс на новый

театр. Участников было очень много. Но выиграли известные европейские архитекторы Ф.Фельнер и Г. Гельмер.

Это был их 13-ый театр (одесситы долго злословили по поводу несчастливого числа, им вначале не нравилось, что театр, который раньше был развернут к морю, теперь смотрит на Ришельевскую, но прошло пару лет и все признали – так стало лучше, эффектнее, красивее).

Если бы театр мог писать мемуары... Какие истории он бы нам поведал. Все обычно вспоминают, что здесь Петр Ильич Чайковский взмахнул дирижерской палочкой на премьере "Пиковой дамы", а потом передал ее дирижеру. А меня больше волнует то, что здесь выступали с концертами Сергей Рахманинов и Александр Скрябин.

А какие артисты играли на этой сцене. - Шаляпин и Собинов, Анна Павлова и Айседора Дункан. Но это официальная история. А ведь есть еще живая, передаваемая из уст в уста.

Когда-то я попросил Олега Губаря, зная, что он ребенком уже пел в оперном театре, знает его и любит, подготовить для "Вечерки" несколько статей об его людях. Надо знать Губаря. Он пошел не только в театр, но и в архив, а в результате родилась книга "Пушкин. Театр. Одесса". Но и в ней он не все мог написать - цензура...

Вот одна из историй, рассказанных мне Олегом, в достоверности которой я не сомневаюсь.

На сцене шла опера "Петр Первый". Роль Петра исполнял замечательный артист Володя Носырев. Большой, крепкий, подстать Петру. По ходу действия ему подносят Кубок большого орла - полуторалитровый кубок, специально сделан для спектакля. В нем должна быть вода. Но коллеги решили пошутить и в этот вечер, не поскупившись налили в кубок водку....Носырев выпил. Доиграл, приложив невероятные усилия спектакль. Зашел в гримуборную и заснул. Спал сутки. В театре ему объявили выговор за пропущенную репетицию.

И такие истории театр помнит.

Нужно ли удивляться, что до сих пор за кулисами рассказывают легенду, что на этой сцене итальянский трагик настолько вошел в роль, что задушил свою партнершу.. Догадываюсь, что речь идет о Ди Грассо, выступавшем на этой сцене. Есть замечательный рассказ "Ди Грассо" Бабеля, кто не читал, обязательно прочтите. А билетеры рассказывают, что призрак убиенной артистки до сих пор живет в театре.

Вновь приближается оранжевая зона, когда в театр впускают вдвое меньше зрителей, чем обычно. Карантин.

Но кто может помешать нам подойти к театру, посмотреть на бюсты Пушкина, Гоголя, Глинки, постоять у скульптур, олицетворяющих трагедию и комедию. И подумать, что вся наша жизнь умещается в этих понятиях.

А потом вспомнить, что сегодня день пожилых людей. Как бы хотелось, чтоб их возраст приблизился к возрасту нашего театра. И чтоб в свои годы они были столь же ухожены и красивы. Пора нам в оперу скорей...

Советую всем, кто любит живопись, не пропустить изысканнейшую выставку «Учитель и ученик», которую из домашних коллекций составила Линда Страутман и показывает в своей галерее «Дом художника» на улице Осипова..

Учитель – Кириак Костанди, можно смело сказать учитель всей южнорусской живописной школы.

Ученик – Владимир Сеницкий, сын священника, пришедший в 14 лет из села, где служил отец, чтобы многие годы, до 1921, учиться у Костанди.

И не только в училище, но и дома, так как женился на дочке учителя - Елене Кириаковне Костанди.

Эта выставка приурочена к двум юбилеям

Сто лет назад в голодной Одессе умер Костанди.

И сто двадцать пять лет тому родился в селе Курисов-Покровское Сеницкий.

О Костанди есть большая литература. Его любят, знают, ценят в музеях и частных коллекциях.

Меньше написано о Сеницком. И человек он был не публичный, и жизнь сложилась сложно. Последние годы жил Владимир Михайлович у своего ученика, квартира художника Альбина Гавдзинского стала его домом.

То, что Сеницкий сохранил в своем архиве и позволило внучке Альбина Гавдзинского Линде собрать и показать эту выставку.

Должен повиниться. Я знал Владимира Михайловича Сеницкого. Был на двух его персональных выставках в Одессе. Хотел с ним поговорить о Костанди, о Дворникове и Волокидине, у которых он также учился. Не получилось. Сеницкий избегал встреч с журналистами.

- Вот моя жена вам всё расскажет. Она птица-говорун, я дятел – художник, - улыбался Сеницкий. А потом он похоронил жену и совсем замкнулся в себе.

Как же я обрадовался, когда в американской антологии «У голубой лагуны», изданной поэтом, коллекционером К Кузьминским, в третьем, одесском, томе нашел воспоминания Льва Межберга об одесских художниках. Обо всех нежно, с любовью, точно и профессионально.

Воспользуюсь этим поводом, чтобы опубликовать фрагмент о Сеницком.

«Владимир Михайлович Сеницкий был учеником Кирияка Константиновича Костанди — основателя одесской школы, женился на его дочери Елене Кирияковне и как бы продолжал традиции учителя. Сеницкий был похож на высокое сухое дерево, которое редко цветет, но когда расцветает, дает необыкновенные плоды. Я думаю, что когда-нибудь его работы будут ценить, как, скажем, сейчас ценят Вермеера Дельфтского. Он писал волшебные вещи и сохранял их все у себя в мастерской, отдавая повторения. Бывало, не устоять перед покупателем, тогда Елена Кирияковна сильно сжимала его плечо, и Владимир Михайлович сообщал, что работу продать не может. Были времена, когда они питались только одной картошкой, жили впроголодь. Владимир Михайлович был человеком застенчивым, скромным, никогда никуда не выезжал из Одессы, кажется, впервые он увидел собрание московских музеев, когда ему было лет 70. Однажды он подарил мне и Лене Межерицкому дореволюционные тюбики с красками. Я запомнил тюбик с краплагом. Впервые я увидел его, когда он работал над городским пейзажем в Одесском городском саду, стоя между двумя львами. Мне было тогда лет 15. Конечно, всю последующую неделю я в школу не ходил, меня тянуло к этому тощему удаву с необыкновенным этюдником. Иногда мне казалось, что его лицо напоминает сову. Писал он пятью-шестью цветами, цвет он ощущал божественно, это был созданный природой орган для цветоощущения. Я запомнил на всю жизнь одну его работу с крымским берегом. Было просто неправдоподобно, что человек может так написать, он извлек какой-то необыкновенный цвет, при этом он фантастически ощущал тональность, плотность цвета, воздушную среду, рисовал точно, как это делали старики. У него была одна слабость: изобретать усовершенствования для этюдника, зонта. Рассказывали, когда Красная Армия приближалась к Одессе в 1944 году, он собрал все свои вещи и работы и отправился в сторону Румынии, но как известно из литературы: румынская граница невезучая, и его вернули в коммунальную квартиру. Единственное, что ему оставалось, — это слушать радио БиБиСи, вплотную прикинув к приемнику, и бояться каждого шороха. Счастье, что его не отправили туда, где писал портреты Цимпаков. Передвигался Влад. Михайлович громадными шагами и довольно быстро, высунув голову вперед, он включал предельную скорость и поспеть за ним было невозможно. На работу он шел, как одержимый. Громадный этюдник перекрывал его туловище, сливаясь с ним, и было такое впечатление, что идет одушевленный этюдник с зонтиком. В те послевоенные времена художники еще писали с натуры по многу сеансов, то было волшебное неведение всего того, что происходило на Западе, и это было одно из чудес, которое сохранило настоящую живопись. Художники были изолированы от мировой суеты и писали по велению сердца. Одесские художники никогда не страдали патриотическим восторгом, а те, которые раздваивались, все равно писали и хоронили на стеллажах своих мастерских замечательные вещи, и в будущем это будут те феномены, которые воскресают из мертвых.»

Еще и еще раз рекомендую не пропустить эту выставку. Карандашные рисунки Костанди и карандашные рисунки Сеницкого. Но есть еще и акварели и масло Сеницкого. Даже фотографии и документы. Всех, кого интересует одесская живописная школа, эта выставка станет открытием. На репродукциях –с разрешения Линды – показываю несколько работ Владимира Михайловича Сеницкого с этой выставки.

20.10.21

СТИХИ ИЗ БУТЫРКИ

В Одессе Александра Горского знали по псевдониму - Горностаев.

Он входил в круг одесских поэтов, печатался в одесских поэтических альманахах начала XX века.

Перевел в Одессе стихи Бялика.

Потом уехал из нашего города. Я думал, что эмигрировал.

Оказалось, уехал в Москву, пропагандировал учение философа Николая Федорова.

Естественно, загремел в ЧК.

Приговорен к расстрелу, но не успели - умер в тюремной больнице.

Об этом я уже узнал из книги Александра Горского, которую собрала и издала дочь философа Г Гачева – Анастасия Гачева.

Так для меня произошла новая встреча. С другом Багрицкого.

Анастасия Гачева публикует стихи Александра Горского из Бутырки.

Длинные. Но настоящие. С вечными вопросами.

Особенно актуальными, когда тебе их задают на допросах...

Александр ГОРСКИЙ

Стихотворение, написанное в Бутырской тюрьме.

Полночь... Стихли дня заботы...
У ворот умолкли псы...
Только тикают часы:
— Кто-ты — что-ты?
Кто-ты — что-ты? —
Надоедливые ноты —
Стуки времени колес...
— Кто-ты — что-ты?
Кто-ты — что-ты? —
Неотвязчивый вопрос.
Словно суд слепой и зоркий,
Накативший невзначай...
Не отыщешь отговорки!
— Кто-ты? Что-ты? — отвечай!
— Кто ты? — что ты? —
ближе, ближе
Подступает шепоток:
— Рассуди же, разбери же,
Размотай судьбы моток...
Дня почившего пустоты
От зари и до зари
Чем заполнил?
— Кто ты, что ты?
Кто ты, что ты? — говори!
Как осмыслил сон угрюмый,
В чем нашел надежды рай?
— Кто ты, что ты? — Ну! Подумай!
— Что ты? — Кто ты? —
— Вспоминай!
— Что ты? Чаемое чудо,
Иль отчаянье стыда?
Кто ты? Держишь путь откуда?
Направляешься куда?
Вздорг зачатья, взрыв рожденья,
Бéги дней — по кругам лет —
Обещаний — исполненье?
Вопрошаниям ответ?
Продерется ль света семя
Сквозь утробу темноты?..
В прах тебя стирает время,
Иль его стираешь ты?
Выйди, выйди на дорогу,
Покажись лицом к лицу
К подступившему порогу
К подкатившему концу.
Кто ты? Названный другими?
Сам назвавшийся собой?
Или есть иное Имя, —
Званье, скрытое тобой?
— Кто ты?.. Выйди из болота!
— Что ты? Молви напрямик!
— Кто ты, что ты?
Кто ты — что ты? —
Не умолкнет ни на миг...
Каждый миг скопляет счеты:

Кредиторы у дверей...
— Кто ты, что ты?
Кто ты, что ты? —
Говори скорей, скорей!
Кто ты? Что ты? — шепчет грозно
Не стихающая тишь:
Отвечай, пока не поздно:
— Кто ты? Что ты?..
А!.. Молчишь?!
Замолчать, не знать, не слушать!
Убежать подальше прочь!
— Кто ты, что ты? — стонут уши...
— Кто ты, что ты? — ноет ночь...
Море страха, море гнева
Чья ладья переплывет?
— Кто ты, что ты? —
Справа, слева...
— Кто ты, что ты?
Взад, вперед...
— Кто ты, что ты? — бьет висками...
— Кто ты, что ты? — ломит грудь...
Душно сжатому тисками...
Не забыться... не заснуть...
Далеко ли до рассвета?..
Побелело у окна?..
— Кто ты?.. Что ты? —
Нет ответа...
Нет ответа...
Ночь темна...
1929, июнь
Москва

30.11.2021

"Кириак Костанди - наша художественная совесть",

- писал в 1910 году художник П.Нилус.

Прошло сто лет со дня его смерти, но это ощущение не притупилось.

Кириак Константинович Костанди родился в 1852 году в Дофиновке под Одессой, умер 31 октября 1921 года в Одессе.

В издании Одесского художественного музея Александр Дмитренко цитирует мою давнишнюю статью, опубликованную в «Комсомольской искре» 50 лет тому.

И сегодня не откажусь от этих слов из своей статьи «ОЧАРОВАНИЕ ОДЕССКИМ СОЛНЦЕМ» «Костанди. Сегодня это название улицы на Большом фонтане. Но с не меньшим правом – колорита Одессы, очарования её сирени, солнца, садов, волшебства её неуловимого духа.

Живопись Одессы начинается с Костанди – это её аз, буки и веди, живопись Одессы продолжается – и нет в ней художника, в котором заглох бы росток Костанди»

О нем писали И.Репин и И.Айвазовский, В.Стасов и И.Крамской.

Но, пожалуй, наиболее яркие, искренние воспоминания об учителе оставил художник Амшей Нюренберг, мастер иного стиля, друг Маяковского, Шагала, Фалька.

Я много общался с Амшеем Марковичем в послевоенные годы, когда он приезжал в Одессу, проводил здесь свою выставку картин. Запись нашей беседы я опубликовал в журнале "Одесса" - Многие считали, что Костанди традиционалист. Я ощущал его как импрессиониста. Но, главное, он был мудр и под его руководством могли сосуществовать футурист Бурлюк и соцреалист Греков, абстракционист Кандинский и декоративист Бродский.

Костанди в каждом замечал лучшее и старался развивать. И не мешал нам оставаться самим собой.

Для нас, учеников Костанди, имя его - символ не только замечательного художника и великолепного педагога, но и чудесного человека.

Мир живописи Костанди невелик: южная прибрежная дача, тихие розово-желтые закаты, щедро разросшиеся сирени и акации, уснувшие в садах церковки, редкие фигуры грустящих монахов и стариков и семья со всем ее бытом – вот и все. Но какой огромной значимостью наделен этот небольшой мир! Все приобретает в искусстве Костанди какой-то только ему присущий, волнующий поэтический смысл.

Невольно вспоминаешь фразу Паскаля: "Чем разумней человек, тем более находит он вокруг себя интересных людей. Люди ограниченные не замечают разницы между людьми". Это, несомненно, свойство всех больших мастеров.

Поэзия Костанди - особенная. Это поэзия, прошедшая через требовательный ум и строгий вкус, поэзия, очищенная от всяких условностей и наигранностей. Вот почему костандиевская поэзия не гаснет и не стареет.

Костанди первый открыл тонкую и горячую красоту одесского пейзажа. И теперь вся одесская природа как будто носит на себе легкую печать его изумительного глаза, взволнованного сердца. Левитан открыл поэзию северной природы. Костанди - южной.

О палитре Костанди можно писать целые трактаты. Его краски чисты, яркие, звучны, как краски уральских самоцветных камней. Он хорошо знал законы контрастов цвета и широко пользовался ими. Четкий, уверенный рисунок, деликатный и вместе с тем живой мазок и всегда тонко обработанная поверхность. И прав был Репин, когда, восхищаясь небольшими полотнами Костанди, называл их "бриллиантами". Да, это настоящие, никогда не потухающие бриллианты!.. Почти у каждого из нас, учеников художественного училища, был свой роман с популярной тогда картиной Костанди "Сирень". Много лирических часов было пережито перед этой работой. Мы приходили в музей тайком ради "Сирени" (она празднично висела в центре стены в богатой раме, вставленной в черный киот) и долго смиренно простаивали перед нею. Насытив юные жадные глаза, уходили, чтобы на улицах и дома с нежностью вспоминать все волнующие детали, согреваться, жить ими.

Прошли годы. Многое в моих взглядах на живопись, на искусство изменилось, но те первые чувства (то, что художники называют "первое ах!"), которые поселила "Сирень" в моей душе, продолжают жить и волновать и по сей день. Сколько раз я ловил себя на том, что на цветущие весенние сады я глядел глазами Костанди. Но в юности мы не склонны были глубоко анализировать. Прежде в "Сирени" я видел только чудесные фосфорящиеся краски, нежные отношения, музыкальный колорит, очарование цветущего сада и грусть одинокого молодого монаха. Теперь "Сирень" для меня - яркий символ борьбы маленького слабого человека с величественной цветущей, хмельной природой. Произведение как бы с возрастающей силой развертывает и показывает неизвестные раньше новые грани.

Здесь ярко выражена костандиевская концепция: пейзаж не пассивный участник картины. Это не пушкинская "равнодушная природа", которой суждено "красою вечною сиять". Природа Костанди всегда неравнодушна, она участвует во всех переживаниях человека. Явление это мы наблюдаем и в других его выдающихся работах. В "Старичках" осенняя природа своим серебряным теплым сиянием согревает, в их грустном одиночестве, проживших уже жизнь людей.

Пользовался ли Костанди в своих работах импрессионистским методом? Несомненно. Но костандиевский импрессионизм – особый. Мастер не жертвовал ради живописности душой и сердцем. Поэтому Костанди нельзя всецело отнести к последователям Клода Моне (зачинателя импрессионизма). Человечность и гуманизм были его идеалами. Вот в чем секрет неувядаемого очарования работ Костанди. Репин это хорошо понимал.

Греческие историки рассказывают, что Платон, когда пришел его предсмертный час, благодарил судьбу за то, что родился человеком и греком.

Знал ли это Костанди?

Сейчас в Одессе в Художественном музее и в галерее «Дом художника» у Линды Страутман показывают работы К. Костанди. Найдите время, сходите посмотрите.

Я же поставлю только две репродукции, но из любимых «Сирень» и «Ранняя весна», картины по которым на любой выставке можно узнать и полюбить Костанди.

6.11.2021

В субботу, 6 ноября, на Новодевичьем кладбище на могиле Михаила Жванецкого открыли памятник.

Автор – известный скульптор Владимир Соскиев, чьи работы выставлены в Государственной Третьяковской галерее в Москве, Русском музее в Санкт-Петербурге

Среди наиболее известных работ Соскиева – памятники Марине Цветаевой в Тарусе, академику Пилюгину в Москве, Гайто Газданову в Париже...

Мне памятник нравится.

Лаконичный, образный, запоминающийся. Писатель уходит, чтоб навсегда с нами остаться.

Мне показалось, что у ступенек рассыпана морская галька. Если это так, то еще теплее и сердечнее.

10.11.2021

Радостный день. Из типографии привезли мою новую книгу.
Думал, что выйдет ко дню рождения, будет, что дарить, вышла на 25 дней раньше.
Спасибо Андрею Вовку!

На книге дочь сфотографировала меня с нашей собакой, здесь – с двумя книгами. И это не менее приятно.
Вот предисловие.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Что заставляет меня, 85-летнего человека, садиться перед компом, писать.

Если одним словом, то – любовь.

Любовь к родному городу. Одесса всегда была достойна любви. Да, она меняется, не всегда в лучшую сторону. Да, её целенаправленно разрушают...

И все же, все же, все же....

И шум волн тот же, что при Пушкине, и запах акации тот же, что при Жаботинском... И пришла строка Мандельштама, без которой уже не мог представить книгу – И море, и Гомер всё движется любовью.

Написал – книга. Но книга – это не жанр, я сложил из своих записей в фейсбуке не календарь, а лирический дневник. Мои отклики на даты и события, книги и писателей - читателей.

Любовь к своему читателю. К тому, кто не бросил читать книги, ходить на выставки, слушать музыку. Вы скажете – их всё меньше. Тем больше их нужно любить, поддерживать огонёк сотворчества.

Год тому я, поддавшись уговорам дочери и друзей, сложил дневник своих постов из фейсбука за 2018 год. И тогда же обещал – ебж – так Лев Толстой шифровал – если буду жив – в этом, 2021 году собрать книгу из постов 2019 года. Тем более, что мой коллега по «Вечерке» Галя Тульчинская собрала все мои дневниковые записи. Спасибо ей огромное.

У этого дневника со временем вдруг проявившееся свойство. За год ушли из нашей жизни замечательные люди, мои друзья Олег Губарь и Михаил Жванецкий, Юлик Златкис и Аркадий Львов... - а в этой книге они все живые, они действующие лица трагикомедии под названием – жизнь. Серия моментальных фото, а еще не воспоминания.

Будем учиться любить живых. Неправда, «они любить умеют только мертвых».

Кстати, и иллюстрации в этой книге живых и уже ушедших художников. Когда-то, покидая Одессу, наш друг коллекционер Люсик Беккерман оставил нам альбомчик XIX века для рисунков. В нем уже были пять-шесть работ, альбом в нашем доме пополнялся рисунками друзей, приходивших в гости художников, одесситов и москвичей, тбилисцев и львовян... Пришло время показать и их читателям.

Посвящаю книгу памяти моих друзей.

Посвящаю книгу своим друзьям, поддерживающим и сегодня меня. И прежде всего дочери Анне, внучке Соне.

И спасибо читателям, благодаря финансовой помощи которых выходит эта книга «И море, и Гомер всё движется любовью».

11.11.2021

Меня всегда интересовал вопрос о возвращении гражданам, незаконно отнятого у них государством имущества.

Чаще всего мы вспоминаем о реституции, когда речь идет о захваченных фашистами в ходе Второй мировой войны ценности в советских музеях, в разграбленных еврейских домах.

Хоть - мне кажется –вопрос о реституции применим и к событиям октябрьского переворота. Я всегда вспоминаю, что одесский инженер Брайкевич, а он был и инициатором создания Политехнического института, и Одесским городским головой, уезжая в эмиграцию оставил на хранение свою великолепную коллекцию картин Одесскому университету. Вернули их наследникам владельца? Нет, конечно. Они сегодня в Одесском художественном музее. Правда, наследники понимали бесперспективность исков к советской власти. Более того после смерти Сталина они из Лондона еще пополняли наш музей своими подарками. Одесситы.

Почему я вспомнил об этом?

Посмотрел вчера английский фильм «Женщина в золотом»

В 2015 году английский режиссер Саймон Кёртис представил биографический фильм о Марии Альтман, которая с молодым адвокатом Шёнбергом, внуком знаменитого композитора Шёнберга, вернули ценности, отобранные у её семьи нацистами несколько десятилетий назад.

В числе этих фамильных реликвий была известная всему миру картина Густава Климта «Портрет Адели Блох-Бауэр» или же «Женщина в золотом», собственно, что и послужило названием фильма.

В фильме как бы два слоя времени – предвоенная Австрия, захват её немецкими фашистами, расправа над еврейским населением Вены и современная Америка, где Мария Альтман находит идеалиста адвоката, чтобы начать процесс и, самое невероятное – выиграть его.

Представляете дело Мария Альтман против Республики Австрия, которое слушалось не только в США, но и в Австрии.

Сегодня «Женщина в золотом» передана Марией Альтман музею в Нью-Йорке и открыта для посетителей.

Фильм кончается словами, что более 100 тысяч произведений искусства не возвращены по реституции законным владельцам.

А знаем ли мы что было вывезено из одесских музеев и частных коллекций?

Мне кажется посмотреть этот фильм не только интересно, но и полезно.

15.11.2021

- "Удивляемся ли мы, увидев на киноэкране фильм по Шекспиру, поставленный в России?"
 - Мне, признаюсь, это кажется естественным.
 - И тем ни менее, я удивился, прочитав, что в Англии неизвестная мне режиссер Марта Файнес поставила фильм «Онегин»
 - Как видно, очередная «клюква» подумал я, но всё же решил поискать фильм в сети. Уже давно снят, в 1999 году, может удален.
 - Нашел эту ленту легко. И с удовольствием провел у экрана компа полтора часа.
 - Во-первых, фильм сделан с уважением к русской классике, во- вторых, в нем заняты отличные актеры.
 - Евгений Онегин" с Ральфом Файнсом (это родной брат режиссера) в главной роли, оказался неожиданно убедительным.
 - Да, возможно, удивляет, что сценарий к фильму написан не в стихах, а в прозе. Только письма – письмо Татьяны и письмо Онегина остались пушкинскими стихами. Но мне кажется, что это больше соответствует Пушкину, чем либретто к опере Чайковского «Евгений Онегин»
 - Есть ли неточности? Есть. И сцена дуэли мелодраматична, и бал у Лариных сделан со столичным размахом, и муж Татьяны оказывается молодым красавцем –генералом...
 - Да, на самом деле, довольно сложно ставить русскую классику иностранцам. Но, несмотря на то, что есть неточности, фильм все равно заслуживает очень высокой оценки.
- Ральф Файнс отлично сыграл роль аристократа, разочаровавшегося в жизни.
- Скептическая душа Онегина не отогрелась даже яркой и теплой любовью Татьяны.
- Татьяна в фильме очаровательная, чистая, свободная и дикая... Она обладает естественной природной силой, пусть и прячет ее за скромностью и кротостью. Глубокая и нежная Лив Тайлер стала украшением фильма
- Меня не смутило, что по моде нынешнего кино, есть одна постельная сцена. Откуда?- возмутится знаток Пушкина. А это мечта Онегина промелькнула на экране.
- . Снято очень красиво, картинка заставляет не просто смотреть это кино, а созерцать его
 - Не удивился, прочитав, что кинокартина завоевала приз Лондонского форума кинокритиков.

- Так что не нужно заранее подозревать в «клюкве» любое прикосновение к русской классике за рубежом.
- Кстати, у меня вчера был отличный киновечер. С волнением и интересом посмотрел и новый фильм – драму французского режиссера Франсуа Озона «В доме»
- Пользуйтесь карантином, чтоб смотреть кино.

15.11.2021

Печально, но дневник мой всё чаще напоминает мартиролог.

Год назад, в Москве от коронавируса умер великий режиссер Роман Виктюк.

Запомнил его приезд в Одессу, в Дом Актера в 1970 году. Виктюк показал спектакль по «Урокам музыки» Людмилы Петрушевской

50 лет прошло. А послевкусие сохранилось. Свободный спектакль свободных людей.

Ирина Кузнецова, тогда руководившая Домом актера, привезла Виктюка и Петрушевскую после спектакля к нам домой. Где-то есть фотографии. Думаю Ира Кузнецова напишет о работе Виктюка.

В Москве я видел когда-то его спектакль по Жванецкому. Точное попадание.

Есть серия фотографий Елены Мартынюк, снимавшей и Романа Григорьевича и его артистов. И это нужно найти и показать.

А сейчас я перепечатаваю отрывок из интервью с Романом Виктюком Александра Галяса об одесских впечатлениях режиссера

«-Хочу напомнить вам о спектакле "Уроки музыки" по пьесе Петрушевской, который вы привозили в наш Дом актера. Тогда одесситы вообще впервые познакомились с этим драматургом. - Я всё идеально помню. Тогда была удивительная директор Дома актёра - Ирина Григорьевна Кузнецова; я и дочку ее знал, и мужа, всю семью. Она была удивительный человек, позволяла себе делать то, что делать не позволял никто. Мы с Люсей Петрушевской были у неё несколько раз. А попасть в Дом актёра нельзя было - битком зрителей, умоляли пропустить их... Это был глоток чистого воздуха. Я помню, когда КГБ здесь говорил обо мне: "К нам приехал так называемый режиссёр".

И Кира Муратова тогда была опальная. Я помню, как приехал на Одесскую киностудию, где директором был приехавший из Киева человек, комсомолец, такой молодой, нахальный, безграмотный, но знал, что он - Руководитель. Вы его не помните? Слава Богу! И вот он, не лично, конечно, а через других, меня предупредил: "Муратова работает в библиотеке и тот, кто будет ходить к ней в библиотеку, работать с ним не будет". Это было категорическое его условие. Конечно, первое, что сделал я, - пошёл к Кире Муратовой. Она закричала: "Что вы делаете? Вы меня не видели, вы случайно сюда вошли!". Я говорю: "Кира, я вас люблю!". И вы знаете, я к ней ходил и даже потребовал показать мне фильм по рассказу Короленко, который она сняла, но он был запрятан. А мэр ваш, забыл, как его звали, замечательный человек, сказал: "Всё будет, как вы хотите". Он позвонил и устроил директору такую взбучку! И тогда я заставил ввести Киру в худсовет, я был счастлив, я до сегодняшнего дня ее обожаю.

Все-таки то было счастливое время, и Одесса была тем островком свободы, где можно было приложить голову.

- Тогда я напомню вам о еще одном спектакле в Доме актера в 1983 году. В нем участвовал начинающий тогда Ефим Шифрин. Спустя двадцать лет я спросил у него, помнит ли он это выступление, так у Шифрина загорелись глаза, и он сказал, что это самое лучшее воспоминание в его жизни.

- Фиму я учил, выучил, он замечательный артист, я его обожаю и сейчас.

Никто не помнит, но Фима, когда учился у меня, вместе с Леночкой (она уже давно в Париже) читал Жванецкого. Они выступали в Москве, в Доме актёра, после этого знаменитый драматург Арбузов, сказал, что он на свой день рождения никого из артистов не хочет, а хочет тех двух, которые так прекрасно читали "про воробья".

Я потом ставил спектакль по миниатюрам Жванецкого в Московском театре миниатюр, который теперь "Эрмитаж". Там впервые Карцев и Ильченко сыграли про раков "по три и по пять". Этот спектакль имел тогда бешеный успех. Когда приходили работники органов, они вычёркивали нам многие номера. А я подходил к директору перед началом спектакля и говорил: "Они сегодня есть в

зале?". "Кажется, нет". И я говорил: "Играем все номера". И мы играли. Дебилы есть дебилы и их, каменолобых, надо уметь обходить.

- Говорят, вы когда-то собирались ставить спектакль в нашем Театре музыкальной комедии, но так и не поставили. Что тогда случилось?

- Да, пьеса называлась "Супружеская идиллия". Должны были играть Галя Жадущкина и её муж. Мы даже ногами все прошли, всё сделали, но директор из театра ушёл, и вы же понимаете: Мне очень жалко, что спектакль не состоялся, потому что репетировали они очень хорошо».

На фото Елены Мартынюк - Роман Виктюк среди актеров его театра.

20.11.2021

Сегодня, 20 ноября, день рождения одной из самых противоречивых фигур в Серебряном веке русской литературы – Зинаиды Николаевны Гиппиус.

Как её только не называли современники – «сатанинская мадонна», «пифия», а уж для советского литературоведенья она, её муж – Дмитрий Мережковский, её любовник – Философов всегда были пугалом – злюка, вычурна, крушитель нравственности...

Кстати, Гиппиус и Мережковский были в Одессе в 1892 году, но при всей любви одесситов к своему городу, эти имена нигде не упоминались.

А потом эмиграция. Она была подготовлена тем неприятием, с которым Гиппиус встретила Октябрьский переворот. И не скрывала этого. Писала, пока могла печатала.

В споре Гиппиус с Блоком - с кем был Христос, - права оказалась Зинаида Николаевна.

Так что именно Зинаиду Гиппиус я бы по праву назвал – «зеркалом русской революции»

В эмиграции объединили литераторов, создав "Зеленую лампу"

Но выступления Мережковского конца тридцатых годов, когда он призвал Гитлера разрушить Советский Союз, эмиграция им не простила. Так что не всегда Зинаида Гиппиус была права.

Умерла в Париже в сентябре 1945 года, пережив на 4 года Мережковского.

Мне захотелось показать вам ряд стихов Зинаиды Гиппиус о революции.

Зинаида ГИПШИУС

РЕВОЛЮЦИЯ

ГИБЕЛЬ

С. И. Осовецкому

Близки
кровавые зрачки,
дымящаяся пеной пасть...
Погибнуть? Пасть?
Что – мы?
Вот хруст костей... вот молния сознания
перед чертою тьмы...
И – перехлест страданья...
Что мы! Но – Ты?
Твой образ гибнет... Где Ты?
В сияние одетый,
бессильно смотришь с высоты?
Пускай мы тень.
Но тень от Твоего Лица!
Ты вдунул Дух – и вынул?
Но мы придем в последний день,
мы спросим в день конца, –
за что Ты нас покинул?
4 сентября 1917

ВЕСЕЛЬЕ

Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!
Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?
Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!
29 октября 1917

СЕЙЧАС

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!
Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.
Столпы, радетели, воители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель – пути...
9 ноября 1917

У. С.
Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, –
Учредительное Собрание, –
Что мы с ним сделали?
12 ноября 1917

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА
Д. Мережковскому

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыд души, и честь земли.
Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.
Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.
Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!
Рылеев, Трубецкой, Голицын!
Вы далеко, в стране иной...
Как вспыхнули бы ваши лица
Перед оплеванной Невой!
И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьется рабий дым,
Дрожа протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.
К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,
Чтоб умереть – или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить!

ЕСЛИ

Если гаснет свет – я ничего не вижу.
Если человек зверь – я его ненавижу.
Если человек хуже зверя – я его убиваю.
Если кончена моя Россия – я умираю.
Февраль 1918

НА ПОЛЕ ЧЕСТИ
Памяти В. А. Р. Р.

О, сделай, Господи, скорбь нашу светлую,
Далекой гнева, боли и мести,
А слезы – тихой росой предрассветною
О нем, убиенном на поле чести.
Свеча ль истаёт, Тобой зажженная?
Прими земную и, как невесте,
Открой поля Твои озаренные
Душе убиенного на поле чести.
Февраль 1918

ЖЕЛТОЕ ОКНО

Иди сюда, взгляни-ка
Сквозь желтое стекло.
Взгляни, как небо дико,
Подземно и светло.
Клубясь, ползет червивый
И дымный ворох туч.
Мертво рудеют ивы
Над желтью жарких круч.
Ручей по дну оврага –
Как черное вино.
Как жженная бумага –
Трава в мое окно.
Бессмысленно-кровавы
Тела апрельских рощ.
Накрапывает ржавый,
Сухой и горький дождь.
И всюду эти стекла
Проклятого окна.
Земля моя поблекла,
Земля опалена!
Апрель 1918

ШЕЛ...

1
Белому и Блоку
По торцам оледенелым,
В майский утренний мороз,
Шел, блестя хитоном белым,
Опечаленный Христос.
Он смотрел вдоль улиц длинных,
В стекла запертых дверей.
Он искал своих невинных
Потерявшихся детей.
Все – потерянные дети, –
Гневом Отчим дышат дни, –
Но вот эти, но вот эти,
Эти двое – где они?
Кто сирот похитил малых,
Кто их держит взаперти?
Я их знаю, Ты мне дал их,
Если отнял – возврати...
Покрывало в ветре билось,
Божьи волосы крутя...
Не хочу, чтоб заблудилось
Неразумное дитя...

В покрывале ветер свищет,
Гонит с севера мороз...
Никогда их не отыщет,
Двух потерянных – Христос.
Май 1918
СПб

2

Всем, всем, всем
По камням ночной столицы,
Провозвестник Божьих гроз,
Шел, сверкая багряницей,
Негодующий Христос.
Темен лик Его суровый,
Очи гневные светлы.
На веревке, на пеньковой,
Туго свитые узлы.
Волочатся, пыль целуют
Змеевидные концы...
Он придет, Он не минует,
В ваши храмы и дворцы,
К вам, убийцы, изуверы,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемеры,
Фарисеи и слепцы!
Вот, на празднике нечистом
Он застигнет палачей,
И вопьются в них со свистом
Жала тонкие бичей.
Хлещут, мечут, рвут и режут,
Опрокинуты столы...
Будет вой и будет скрежет –
Злы пеньковые узлы!
Тише город. Ночь безмолвной.
Даль притайная пуста.
Но сверкает ярче молний
Лик идущего Христа.
Май 1918
СПб

А. БЛОКУ

Дитя, потерянное всеми...
Все это было, кажется, в последний,
В последний вечер, в вешний час...
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.
Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.
Ты, выйдя, задержался у решетки,
Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе – зеленой вина.
Прямая улица была пустынна,
И ты ушел – в нее, туда...

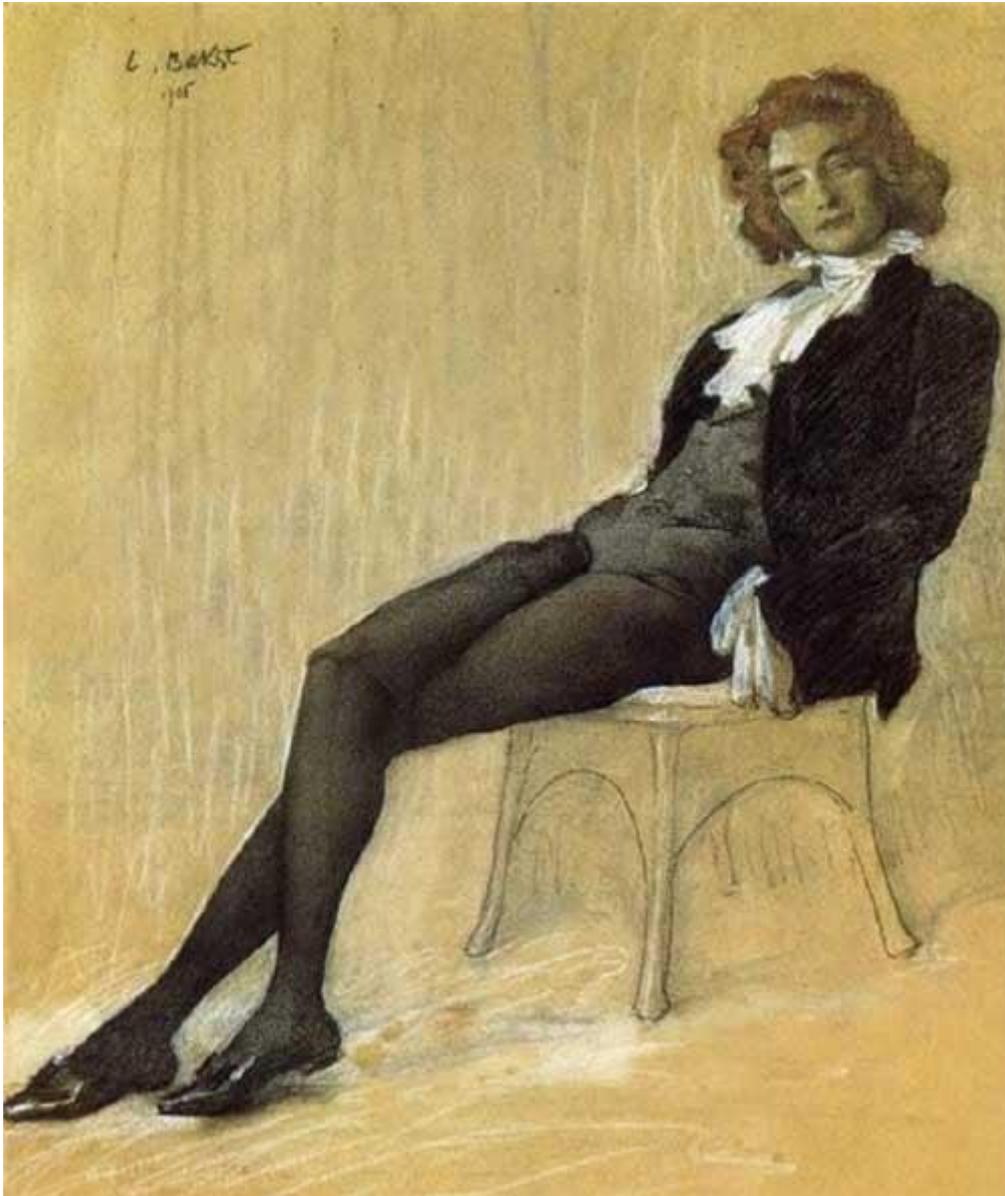
.....
Я не прощу. Душа твоя невинна.

Я не прощу ей – никогда.

Апрель 1918

СПб

Портрет Зинаиды Гиппиус работы художника Л. Бакста.

23.11.2021

Хорошие идеи не стыдно заимствовать.

Особенно, если принадлежат твоим друзьям.

Так Олег Губарь ввел в нашу жизнь традицию делать к своему дню рождения подарки друзьям, издавая собственную книгу.

Как знаете, я поступил так и в прошлом, и в этом году.

Но... И тут начинаются чудеса.

Хоть до моего дня рождения еще почти две недели, страшно произнести – 85-летие – подарки начал получать я.
Когда сообщил в фейсбуке, что вышла у меня книга «И море, и Гомер – всё движется любовью», получил письмо от редактора издательства «Алетейя» Игоря Савкина с просьбой прислать ему оглавление книги.
Не было у меня отдельного сайта с оглавлением, и я послал ему pdf книги, понимая, что в Питер она попадет не скоро.
И вскоре ответное письмо – «Алетейя» бесплатно переиздаст мою книгу, лишь чуть изменив обложку.
«Алетейя» - одно из первых частных издательств, существующее с 1992 года. Алетейя – в переводе с древнегреческого – истина. Алетейя – одна из богинь греческой мифологии. Кто после этого не поверит в Богиню?
Сегодня, 23 ноября 2021 года книга уходит в печать.
Кстати, в этом питерском издательстве в последние годы выходили книги одесситов Сергея Рядченко, Анатолия Контуса, Ефима Ярошевского...
Так что верить в чудеса можно и нужно
Одесское издание можно приобрести во Всемирном клубе одесситов и киоске научной библиотеки
На фото – обложка нового издания моей книги.

25.11.2021

Сегодня День рождения отмечает один из старейших поэтов Одессы Илья Рейдерман.
Поэт – это лишь одна его грань. Он философ, я бы даже употребил редкое слово – мыслитель. Знаком с ним, думаю, полвека. Вначале знакомство состоялось заочное благодаря Анастасии Цветаевой
Помню, как удивился и, конечно, обрадовался, получив от неё письмо.
Мы не были знакомы. И сегодня не знаю, кто ей дал мой адрес.
Письмо было эмоциональным и ярким.
Анастасия Ивановна просила обратить внимание, на переехавшего из Молдавии в Одессу, поэта Илью Рейдермана.
Убеждала – он настоящий поэт, поддержите его, так как с такой фамилией ему будет не просто пробиться в печать...
Мы познакомились.
Публиковал не только стихи Рейдермана, но и его рецензии. Рад был, когда после вышедшей в Молдавии книги «Миг» начали выходить и в Одессе его книги стихов.
Года два тому в Питере вышла книга стихов в издательстве «Алетейя».
Илье Исааковичу, хоть для меня просто Илье, сегодня 84 года. Но он сохранил в своем творчестве энергию молодости.
Желаю ему долго жить и плодотворно работать.
Недавно подборки его стихов вышли в одесском журнале «Южное сияние» и зарубежном «Крещатик». Показываю своим читателям стихи из «Южного сияния».

Илья РЕЙДЕРМАН

Между летальным и витальным

* * *

Я во времени настоящем,
возмутительно ненастоящем,
лёгком, словно пивная пена, –
пузырьки, что лопнут мгновенно.
Люди, сделанные из картона,
(хоть и с кровью по-прежнему красной)
умирают без крика, без стона.
И не кажется смерть ужасной.
Я во времени настоящем,

возмутительно ненастоящем.
Нет ни тяжести в нём, ни боли,
лишь щепоть иронической соли.
Всё серьёзное – лишь помеха.
Праздник похоти. Праздник смеха!
И когда становится жутко,
говорят: это только шутка!

* * *

Между абсурдным, но привычным,
и абсолютно неприличным,
между витальным и летальным,
желудочным и генитальным,
работой, что не пахнет потом,
и глуповатым анекдотом,
существованьем виртуальным,
политиканством карнавальным,
между обедом и уборной,
звонком пустячным, сплетней вздорной,
– между всем этим, между, между...
Попав сюда, оставь надежду.

* * *

Существо по прозвищу Пост
поднимается во весь рост,
но на ножках стоит едва.
Тяжела у него голова!
Шестерёнки вращаются в ней,
а в глазах – десять тысяч огней.
Нам уже не угнаться за ним!
Ну а имени нет. Аноним.
И, как волосы, мысли растут.
Чёрт ли? Робот? А может, шут?
Существо по прозвищу Пост,
своё туловище волоча,
произносит заздравный тост,
говорит:
– Погибай хохоча!
Ибо век такой, ибо век, –
умер бог, человек, субъект...
Умер этот, и умер тот.
А за ними – и твой черёд.
Существо по прозвищу Пост,
отрубив истории хвост,
превосходную вяжет петлю,
и болтается в полный рост.
На могилу его я плюю...

ФУ, ТУРИСТЫ!

Оголтело толпы рыщут,
на святыни смотрят дерзко.
Все они чего-то ищут,
жизнь свою считая мерзкой.
Среди радостей мгновенных –
ищут ценностей нетленных!
Всё хотят увидеть сами!

И вытягивая выи,
всё пожрут они глазами
даже камни вековые.
Восхищенье, крики, стоны,
охи, ахи, ликование.
Больше нету Парфенона –
съеден! Весь! До основания!
На картины поглазеют, –
есть лишь экспонат в музее,
с подписью пустая рама.
А на месте Храма – яма.
И бегом бежишь за веком,
дышишь, кажется, со свистом.
Был когда-то человеком,
а теперь ты стал туристом.
Путешествуй, путешествуй!
и на все гляди в усердьё,
и по этой жизни шествуй
от рождения до смерти.

ДИАЛОГ С ДОЦЕНТОМ

Я говорю доценту:
держитесь поближе к центру!
– Мы упразднили центр, –
бодро сказал доцент.
– Нет центра? Иду по краю.
А что за краем?
– Не знаю.
Быть может, ещё один край.
Но только не ад, и не рай.
...По ненадёжной, зыбкой
почве – идём с улыбкой.
Мир – безнадёжный хроник.
Звать бесполезно врача.
Так улыбайся, ироник, –
и умирай, хохоча.

* * *

Всё относительно, всё относительно!
То, что с одной стороны отвратительно,
может, с другой стороны, и неплохо.
Этому учит нас наша эпоха.
Ценности сброшены с пьедестала,
в нашем сознание всё зыбко и смутно.
Но если всё относительным стало,
лишь Относительное – абсолютно!
Где же начала найти и концы?
Как всё запутано глупо и дико!
Славные умненькие подлецы,
жизнь, что без страсти, без стопа, без крика.
Так и живём, ничего не решив,
в судорожном бестолковом усердьё.
– Как ты? – Да так. Относительно жив.
– Ну а чего – относительно? – Смерти.

* * *

Разъедает наши души рак.
Человек безумно одинок.
Сам своей и общей жизни враг,
ничего не оставляет впрок.
Где душевный золотой запас?
Оправдание – коль будет суд?
Что ответишь ты в последний час,
– ведь слова пустые не спасут?
Хоть один поступок – для души
соверши. И строчку запиши.
Смертную одолевая дрожь,
обнаружить бы последний грош,
слово отыскать в последний миг,
в миг, когда немеет твой язык.

* * *

Жизнь завели как часы, но наверно
время указывают неверно.
Вроде бы утро – а тьма непроглядна.
Но не крутить же стрелки обратно?
Сбились с пути. Тьма и в мыслях, и в душах.
Как нас удобства мягкие душат!
Спим – и боимся даже во сне
вдруг оказаться в завтрашнем дне.
Так напрягай воспалённые очи,
и вопрошай сторожей: сколько ночи?
Где оно, время – то, что не врёт,
и, словно солнце, с пути не сойдёт?

* * *

1.
Вот человек жил жизнью тяжкой,
как паровоз, пуская дым.
Вдруг тень легла – меж ним и чашкой,
меж ним – и что считал своим.
Откуда? Как всегда – оттуда.
Не ждешь, и вдруг из-за спины
она с косой – чума, простуда.
Гляди же на клочок стены.
Утрачивают вещи цену.
Что заслоняли все предметы?
Незримое идёт на сцену
и, вопрошая, ждёт ответа.

2.
Пока считаю жизни дни я
и зёрна страха в землю сею,
погубит душу пневмония,
заполнив жидкостью трахеи.
Пока толчёмся у корыта
в своей коросте и корысти,
в тетради нотной позабыта
душа, что жаждет пианиста.
Господь, напомни нам хоть ноту,
а дальше мы продолжим сами,
изведав странную свободу,
взлетая в небо голосами.

Не нужно ни коня, ни царства.
Кто в этой битве побеждает?
Лишь горькой истины лекарство
от смерти душу пробуждает.
Она увидит мир иначе
от правды непомерной дозы.
О, пусть заплачет, слёзы пряча,
и любит этот мир сквозь слёзы.

* * *

Вот мы все вместе заперты в клетки.
Мойте, до одури мойте руки
и пожирайте свои котлетки,
и не умрите при этом от скуки.
Быть в одной комнате – невыносимо?
Это страшнее, чем Хиросима?
Были мы вроде бы вместе, но мимо,
мимо друг друга бежали трусцой.
Ну а теперь нам приказано: стой!
Вирусы эти, эти микробы –
сузили жизнь, застопорили, чтобы
мы призадумались – лучше ли в гробы?
Жить ли, как жили досель – невпопад?
Или иначе, полною мерой,
всё проживая – с любовью и верой,
жизнь возделывая, как сад?

* * *

Живёшь на карантине сонно,
существование влача.
А жизнь – заразна, незаконна.
Она запретна без врача.
То терпеливо ждёт, то снова,
стучится. Не откроем дверь!
К ней – настоящей – не готовы...
Постой же...страшно... не теперь...
Летящей птицей на мгновение
нам снится жизнь в прекрасном сне.
...И чуешь крыльев дуновенье
в нежданной страшной тишине.

* * *

Я умру. Ты умрёшь. Он умрёт.
Слышу отзвук странного звона!
Прежде, чем человек упадёт –
упадёт с человека корона.
Догадавшись, ладонью ударь
по лбу – в каплях последнего пота:
ну какой же природы ты Царь,
коль тебя убивает природа!
Завопи, как шекспировский Лир
в миг безумия или прозренья:
где звучащий сияющий мир
для теряющего слух и зренье?
Как велик человек! Как он мал!
Он в последнем усилии дышит.
...Слова «Жизнь» человек не сказал.

Говорит. Но уже – не услышат.

26.11.2021

Предвижу, что мои постоянные читатели улыбнутся.

Но что поделывать – грешен, позволяю себе смотреть не только большое кино, но и детективы, а недавно потратил несколько вечеров, переходивших в ночи, и завис над двумя сериалами .

Признаюсь, мне было интересно.

Начну с того, что не знал слова – инсомния. Оказалось – это бессонница, один из её видов. А это уже непосредственно меня касается. Давно страдаю бессонницами.

Так вот первый из сериалов, что посмотрел так и называется «Инсомния».

Нет, не обо мне, тут всё иначе. В фильме инсомнией страдает врач – психиатр, более того – гипнотерапевт. Других, самых запущенных вылечивает, а у самого короткие мгновения сна кончаются бредовыми видениями. Главного героя играет Гоша Куценко, убедительно играет. Это был первый российский сериал, что я не бросил после первой серии, а посмотрел все восемь, хоть качественное кино было в первых сериях, дальше провалы, затянутость. И всё равно я убедился, что появились новые интересные режиссеры. Это фильм Ольги Френкель

И еще один сериал – «Алиби». Тут слово не требует разъяснений. Ждешь криминальной драмы, детектива. А тебе показывают драму, но семейную, касающуюся не одной семьи, а общества, в котором мы живем.

Литератор, сценарист, романист Пётр Решетников создал в этом сериале фирму «Алиби», чтобы людям, запутавшимися в семейных отношениях помогать найти пристойный выход, не допускать развала семьи. Но у него в собственной семье оказывается ворох нерешаемых проблем.

Героя играет Евгений Стычкин, его жену Ольга Сутулова. И хоть играют хорошо, для меня главный герой этого сериала – сценарист О. Лемешев. Удивительную паутину он сплел, ввел в фильм Федора Михайловича Достоевского, чей дух бесконечно издевается над главным героем – писателем

Кстати, фильм заставляет задуматься над тем всегда ли нужно говорить правду. Ведь в заповедях, где есть «не убий», даже «Не прелюбодей», почему-то нет – «не солги». Мы знаем, что смертельно больному человеку можно не говорить правду. Так может и здоровому человеку не всегда наша правда нужна...

Оба эти сериала вышли на экраны в октябре – ноябре 2021 года. Но если «Инсомния» сделана сейчас, то «Алиби» почему-то три года лежал «на полке» Мог бы подумать, что потому что герой все время пьет виски в непомерных количествах, что в каждой серии по несколько сексуальных сцен, но в этом отношении всё то же самое в «Инсомнии» - и там виски льётся рекой, и там эротика зашкаливает. Примечание для пуритан - Стычкин и Сутулова в реальной жизни муж и жена, так что понимаю, что постельные сцены им играть было весело.

Но может в «Алиби» есть реальные прототипы у героев, которым помогает Пётр Решетников. Но это только мои предположения.

Что ж, исповедался. Стало легче. Могу продолжать смотреть киноклассику.

2.12.2021

Стихов, посвященных декабрю – не счесть.

Но есть такие, которые врезаются в память. Это нам из Серебряного века оставил поэт

Михаил КУЗМИН

Декабрь морозит в небе розовом,
нетопленный чернеет дом,
и мы, как Меньшиков в Березове,
читаем Библию и ждем.

И ждем чего? Самим известно ли?
Какой спасительной руки?

Уж вспухнувшие пальцы треснули
и развалились башмаки.
Никто не говорит о Врангеле,
тупые протекают дни.
На златокованом архангеле
лишь млеют сладостно огни.
Пошли нам долгое терпение,
и легкий дух, и крепкий сон,
и милых книг святое чтение,
и неизменный небосклон.
Но если ангел скорбно склонится,
заплакав: «Это навсегда»,
пусть упадет, как беззаконница,
меня водившая звезда.
Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
о, бедная моя любовь.
Лучами нежными, не пылкими,
родная согревает кровь,
окрашивает губы розовым,
не холоден минутный дом.
И мы, как Меньшиков в Берёзове,
читаем Библию и ждём.
декабрь 1920

4.12.2021

3 декабря 1941 года в Ленинграде от голода умер художник Павел Николаевич Филонов. Когда размышляют о путях русского живописного авангарда, обычно называют две фамилии – Кандинский и Малевич. Оба создали свои школы, выставлялись на Западе, стали кумирами коллекционеров и искусствоведов. Но был и третий путь – путь аналитического искусства – созданный Филоновым и поддержанный его учениками. Но Филонов практически не продавал свои работы. Очень мало выставлялся. Филонова ценили Маяковский и Хлебников, до революции он входил в группу «Союз молодежи» Жил аскетом. Мало ел. Писал огромные холсты, которые хранились в его мастерской. Был призван в армию в годы Первой мировой, направлен в Измаил, тогда же побывал в Одессе. Об этом пребывании мы толком ничего не знаем кроме записи в дневнике Филонова, что в Одессе он написал свою картину «Лицо». После революции Павел Филонов не стал ни комиссаром искусств, хоть ему предлагали, не стал профессором в новых художественных вузах, хоть его звали, он истово работал. И тут произошла еще одна встреча Филонова с Одессой, верней с одесситкой, народоволкой Риной Соломоновной Тетельман. В апреле 1921 года умер сосед художника по дому, народоволец Э. А. Серебряков. Павел Николаевич должен был сделать его посмертный портрет. Так состоялось знакомство с Екатериной Александровной Серебряковой (в девичестве –Тетельман). А еще через три года она стала женой художника, окружив его вниманием и заботой, главное – пониманием, хоть была на 20 лет старше мужа... Екатерина Александровна оставила замечательный отзыв о творчестве Филонова, в котором отражена суть отношений между этими людьми и восхищение, которое чувствовала Серебрякова: «Души всех новаторов, революционеров, носители идей любви и правды, сосредоточены в нем. Он соединяет творения нашей земли с творениями подзвездного мира – это так чувствуется в новой картине, где человек протянул свои руки и лицо ввысь. Если бы он говорил не красками, пока еще, к сожалению, недоступные массам, а человеческим языком, он явился бы тем рычагом, который перевернул бы весь мир – и наступил бы рай земной: его работой руководили страдание за человечество и желание ему добра. Как никто не может определить, что происходит в настоящее время (т. е. сущность и смысл исторического момента), так никто не может проникнуть

в творения П. Н., потому что они носят в себе величие и тайну данного момента. Это дело будущего; его расширяет история».

Екатерина Александровна Серебрякова работала переводчиком и преподавателем английского языка. Её детей от первого брака в 1937 арестовали и расстреляли, так что и она, и Филонов почувствовали, что смерть рядом, но продолжали работать.

Смерть за ними пришла в дни блокады – оба умерли от голода

Сестра Павла Филонова сумела сохранить его живописное наследие и ПОДАРИТЬ все работы Филонова Русскому музею

5.12.2021

Если верить моей маме, то я родился 5 декабря 1936 года.

Если верить метрике, то 6 декабря того же 1936 года.

Но я, извините, привык верить маме, а не чиновничьем прописям.

Итак, загибай все пальцы, всё равно не хватит, - 85 лет, какой-то библейский возраст.

С ужасом думал в юности про старость. С иронией отношусь к ней сейчас.

Когда-то Корней Чуковский написал, что в России нужно жить долго, если хочешь увидеть перемены.

Боюсь, что в Украине в этом случае нужно жить вечно.

На это, поверьте, не рассчитываю, поэтому перемены нужно не ждать, а готовить.

Вот этим и стараюсь заниматься.

Давайте вместе читать настоящие книги, смотреть настоящее кино, слушать великую музыку, ходить на выставки живописи. Всё это помогает ощущать себя человеком.

Учимся любить друг друга. А не умеешь любить, то, как писал Жванецкий – сиди дружи.

Нам выпало родиться в империи. Но нам повезло – в провинции, у моря. Будем же благодарны провидению. Ведь рядом – свободная стихия.

Так что любой возраст давайте встречать с высоко поднятой головой.

6.12.2021

«Под мухой»

Подарки бывают разные.

Вот один замечательный подарок, что получил вчера

Конечно, знал исконное – посконное выражение «под мухой»

Но как-то не сопоставлял его с ...»Евгением Онегиным»

Но получил письмо – настоящий дар.

«Самым значительным произведением Пушкина считается роман в стихах «Евгений Онегин».

Забавная подробность: в этом произведении есть такие строчки (относящиеся к дяде Онегина):

Он в том покое поселился,

Где деревенский старожил

Лет сорок с ключницей бранился,

В окно смотрел и мух давил

Мы воспринимаем эту фразу буквально, но речь тут вовсе не о насекомых!

Старинное выражение "задавить муху" означает выпить, отсюда и дошедшее до нас выражение "быть под мухой". Происходят оба выражения от названия маленькой (15-20 граммов) рюмочки, которую называли "мухой".

Век живи – век учись. А «Мух давил» я тоже воспринимал буквально. Осталось найти 15 граммовую рюмочку. Интересно была ли у Олега Губаря?

10.12.2021

Новое открытие Одессы.

Вроде бы хорошо знаю город. Точнее знал. Новые районы так и не освоил.

Можно ли открыть для себя Одессу в 2021 году?

Можно. Можно. Можно.

Раньше я всегда считал, что живопись нужно смотреть вживую. Не в альбоме.

Что фотографию можно ощутить и в альбоме.

Самонадеянно ошибался.

Сегодня, 10 декабря 2021 года, я медленно шел вдоль стен выставочных залов Музея западного и восточного искусства, где открыта выставка фотографий Викентия Кугеля.

Знал ли я имя этого мастера? Не знал. Еще точнее, дочка Анна Голубовская, два года тому сказала мне, что разбирает вместе с Александром Якимчуком огромный архив фотопластинок, но не захотела предварять мое знакомство рассказом.

- Придет время, всё увидишь.

И вот время пришло. В этом году вышел большой альбом фотографий неизвестного досель никому Кугеля, альбом стал Топ-книгой фестиваля «Зеленая волна». Уже это было потрясением, но мощнейшим ударом для чувств, для разума оказалась выставка.

Не раз декларировал свою убежденность, что чудеса случаются. Их нужно ждать, не упускать.

Таким чудом стала НАХОДКА по объявлению забытого фотоархива. На объявление набрел Саша Якимчук, талантливый фотограф. Не поленился. Поехал, посмотрел и пришел в восторг.

В тот же вечер он позвонил Ане Голубовской и пригласил поехать с ним изучать архив.

Думаете на это ушла ночь? День? На это ушло ЧЕТЫРЕ года.

2000 негативов на стеклянных пластинах, потом на пленке. Жизнь за СОРОК лет. Снимки с 1913 года по год смерти мастера -1953 год.

Мастер. Пишу сегодня это слово в полной убежденности. Хоть снимал для себя – не в журналы, газеты, не на выставки, но был безупречным художником. Фотографом с большой буквы.

И сегодня мы не всё знаем о Викентии Кугеле. Вроде бы приехал в Одессу из Прибалтики в 1913 году. На его первых визитных карточках еще фамилия – Кугелис.

Стал членом старейшего в России Одесского фотографического общества.

И начал снимать Одессу. Не в мастерской, не в фотоателье, как все, а на улицах.

Это сейчас появились, вошли в моду стритфотографы. Но тогда это было ломкой норм.

Фотографировал живую жизнь. Его интересовали люди города, улицы города, колоритные эпизоды...

Любил море. И яхты на воде, и многовесельные лодки, и люди на пляжах города. Кажется «вся Одесса» в жару находилась на пляжах. А купание коней в море, а нудистский пляж...

Фотограф был смелым человеком. Он снимал смену властей в двадцатых годах и разрушение Собора в тридцатых, он снимал франтов перед Первой Мировой и нищих после революции.

А с каким вниманием, любовью он фотографировал беспризорных детей...

Смотрю им в лица и думаю, а вдруг кто-то и сегодня жив. Хоть в это чудо трудно поверить.

Удивляет, что нет фотографий за годы Великой Отечественной войны. То ли Викентий Матвеевич не фотографировал в это время, что трудно представить, то ли уезжал из Одессы.

Саша Якимчук встречался с его внучкой в Пензе, записал интервью, но и она была маленькой, когда умер её дед, не всё помнит и знает...

Гулял сегодня по старой Одессе

Да, я еще раз открыл для себя Одессу. Город, который невозможно не любить.

Как бы рассматривали эти фотографии Бабель и Паустовский, Ильф и Катаев... Это их время, их типажи, их жизнь.

Но и наши современники, затаив дыхание, смотрят форматные фотоснимки.

Огромное спасибо, Саше Якимчуку, Ане Голубовской и Юрию Маслову, ставшему не только меценатом издания альбома, открытия выставки, но и равноправным создателем этого чуда.

11.12.2021

11 декабря, день рождения Аркадия Акимовича Штейнберга (1907-1984).
Покажу его короткую поэму об Одессе, которую редко цитируют, мне кажется её бояться.
Родился в Одессе, занимался в реальном училище св. Павла и в Художественном училище.

Писал стихи и поэмы, вместе с Багрицким занимался переводами.
Мы в Одессе, к сожалению, редко вспоминаем про него. Хоть человек достойнейший.
Дважды узник ГУЛАГА. До войны и после войны. Всего отсидел 11 лет.
А во время войны на фронте, о чем свидетельствовал орден Отечественной войны первой степени.
Перевел «Потерянный рай» Мильтона, книга вышла в Библиотеке мировой литературы.
А вот книги своих стихов не издал. Не соглашался с правками цензуры. Лишь после его смерти в 1997 году вышел том его стихов «К верховьям» заботами Вадима Перельмутера.
Жил Аркадий Акимович в Тарусе. Стал инициатором издания альманаха «Тарусские страницы».
Сегодня я знакомлю своих читателей с маленькой поэмой Аркадия Штейнберга об Одессе, о доме, где он родился на Канатной, 62.
Но в отличии от многих и многих текстов про наш город она проникнута отрицанием старой жизни.
Написанная в 1932 году, в голодный год, она шлет проклятие и этой жизни, и городу.
«Большие пожары» предчувствует поэт.
Так быть может сейчас не нужно было вспоминать об этой поэме?
Мне кажется, что историю нельзя отменить, нельзя переименовать.
Мы должны знать и этот текст, талантливый, неожиданный... а впрочем, почему неожиданный, разве мы забыли, что Багрицкий в эти же времена проклинал одесский мещанский быт.
Вот как завершилось «Происхождение»:

Дверь! Настежь дверь!
Качается снаружи
Обглоданная звёздами листва,
Дымится месяц посередине лужи,
Грач вопиет, не помнящий родства.
И вся любовь,
Бегущая навстречу,
И всё кликушество
Моих отцов,
И все светила,
Строящие вечер,
И все деревья,
Рвущие лицо, -
Всё это встало поперёк дороги,
Больными бронхами свистя в груди:
- Отверженный!
Возьми свой скарб убогий,
Проклятье и презренье!
Уходи! -
Я покидаю старую кровать:
- Уйти?
Уйду!
Тем лучше!
Наплевать!

Это стихотворение было написано в 1930 году, за два года до «Пожарища» Аркадия Штейнберга

Аркадий ШТЕЙНБЕРГ

Пожарище

Я вижу город детства моего,
И мне не надо больше ничего.
Доходный дом, в котором я родился,
Домовый двор, которым я гордился,
Гнилого неба маленький кусок,
Печной трубы опухшее колено,
И дерево — рогатое полено,

Уткнувшееся головой в песок.
Я вижу город, где меня встречали
Былой любви восторги и печали.
Я вижу пыль его дрянных садов,
Я вижу гавань, полную судов,
Окраины, заставы и задворки,
Органчики, бумажные цветы,
Плеск поцелуев, запах дынной корки
И женский смех на грани темноты.
Здесь я мечтал в мансарде заповедной,
Здесь я кичился нищетой наследной.
Я жил один. Мне было все равно.
По вечерам я отворял окно
На море крыш, на тлеющие гребни
Кирпичных гор, на городской предел,
И я не знал, что может быть волшебней
Живого сна, который мной владел.
Передо мной дымились пирамиды
И подымались сомкнутой стеной
Висячие сады Семирамиды,
Учебники науки жестяной.
И я зубрил наглядные уроки:
Глубокий двор и горизонт широкий.
Подняв локтями гипсовый карниз,
Я до отказа наклонялся вниз,
В бродило тьмы, где золотой калачик
Изображал насущный хлеб людской
И голоса трудолюбивых прачек
Переполнялись подлинной тоской.
Я совершал далекие прогулки,
Торчал часами в каждом переулке.
Облюбовав какой-нибудь фасад,
Я голову закидывал назад,
Потом кидался со всего размаху,
Как на арену — головой вперед,
Под бутафорский купол у ворот,
Похожий на черкесскую папаху.
Кого искал я? Что меня влекло
На лестницу, обитую железом?
Она, как орудийное жерло,
Вела мой шаг по винтовым нарезам.
Я подымался и, не чуя ног,
Дрожащим пальцем нажимал звонок.
Дверь отворялась. Легкие воланы
За ней мерцали, белизной дразня.
Но этот рай, постылый и желанный,
Дыханьем лжи окаменил меня,
И тени, что слетались к изголовью —
Благословить двойных объятий плен,
Глухие просьбы, шепот клятв: «I love you...» —
«Ich liebe dich...»
Все это прах и тлен.
Я строил храмы, опьяненный зодчий,
И вот — лежат в развалинах, в пыли,
У ног моих... Бессовестные ночи!
Они меня вокруг пальца обвели!
И снова ночь — коварна и тениста.

Все затопила смоляная тьма.
Подобно книгам в лавке букиниста,
На мостовой валяются дома,
И между ними, в каждом промежутке,
Где гаснет даже месяц молодой,
Таятся опечатанные будки
С гремучей газированной водой.
Я шествую вдоль улицы пустынной,
Сжав кулаки, поросшие щетиной,
И вижу город моего стыда:
Он был, он есть, он будет навсегда,
Как узелок, завязанный на память,
Как след происхожденья моего.
Я не могу его переупрямить,
И мне не надо больше ничего.
Пусть он сгорит со всеми потрохами —
Доходный дом, где я грешил стишками,
Домовый двор, наполненный трухой,
Вся эта гниль, весь этот скарб сухой,
Чумные стены, дыры и заплаты,
Заборов угловатые края...
Пуускай сгорят лачуги и палаты,
А заодно и молодость моя!
Беспечной спичкой, праздничным огарком
Ему судьба, как пальцем, погрозит,
Назло громоотводам и флюгаркам
Негаданная молния сразит.
Иль, может быть, играющие дети,
Курия табак в заброшенном клозете,
Затеют бой, свернут газетный жгут
И незаметно город подожгут...
Быть может, ночью мне поможет случай,
Слепой зарей иль на исходе дня:
Из всех щелей прорвется дым колючий,
И вспыхнет эпидемия огня.
Под хлопанье простынь и полотенец,
Развешанных на гулких чердаках,
Проснется в зыбке розовый младенец
С египетскими змеями в руках.
Он кажется подростком безбородым,
Он слишком юн, чтоб довершить свой суд,
Но небеса подушку с кислородом
К его губам, как соску, поднесут.
Теперь огонь мужает с каждым часом,
Он ширится, он обрастает мясом.
Бодает стены козлорогим лбом,
Мурлычет, изгибается горбом...
Гори, гори, мой город обреченный,
Летучим пеплом прыгай по волнам!
Пуускай твои беспомощные стоны
О мужестве напоминают нам.
Когда ж, сраженный солнечным ударом,
Весь в пламени умрет последний дом,
На черепках, на пепелище старом
Мы новый город за ночь возведем.
Из гекатомбы переулков тесных
Он вырастет, как дерево, живой,

Дыша грозой, касаясь туч небесных
Своей неукротимой головой.
1932

12.12.2021

Вспомним Зинаиду Серебрякову

И "Жатва" и "Пьеро" из Одесского художественного музея (из коллекции Михаила Брайкевича)
достаточно известны.

Портрет Зинаиды Мартыновской известен несравненно меньше.

Зинаида Мартыновская – жена известного ученого, ректора Холодильного института (теперь – Академия Холода) Владимира Сергеевича Мартыновского, который в 60-е годы работал в Париже, в одном из комитетов (комиссий?) ЮНЕСКО.

О семье Мартыновских можно рассказывать много.

Отец Владимира Семеновича – народоволец, именем которого многие годы называлась Греческая площадь

Брат Владимира Семеновича, известный по псевдониму Тарас Костров, создатель «Комсомольской правды», друг Маяковского...

Но вернемся к портрету

В Париже, на одном из приемов в советском посольстве,

чета Мартыновских познакомилась и подружилась с Зинаидой Евгеньевной Серебряковой.

Она давно жила в эмиграции, уехав из России, после смерти от тифа мужа. Из четырех детей разрешили забрать двух, двое оставались в СССР.

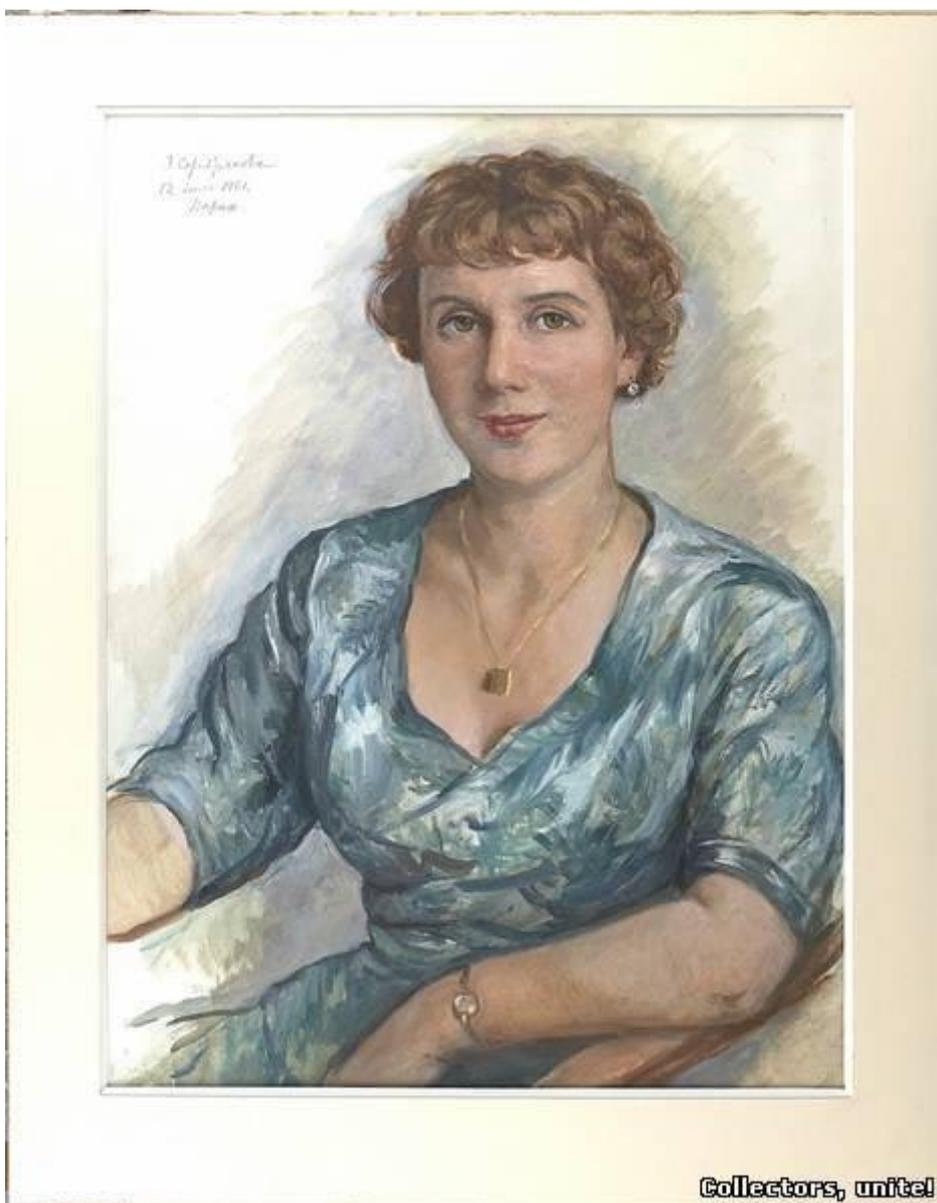
Дружба с Мартыновскими, как бы возвращала её в родные пенаты.

Через какое-то время З.Серебрякова написала два портрета - мужа и жены.

Купить Мартыновские смогли только один портрет - Владимира Сергеевича. Денег на два портрета у советских командировочных не хватило.

Через много лет, овдовевшая Зинаида Мартыновская обратилась к наследникам З.Е.Серебряковой с просьбой передать свой портрет Одесскому художественному музею.

Наследники откликнулись, и в 1990 году подарили портрет З. Мартыновской нашему музею.

12.12.2021

*Грустит в углу Ваш попугай Флобер,
Он говорит «жамэ»,
Он все твердит— «жамэ, жамэ, жамэ, жамэ»
И плачет по-французски*

Не знаю, как залетел попугай Флобер в эту песенку Вертинского.
Но то, что Флобер был и остается уже около 150 лет одним из самых популярных романистов Франции, да и всего мира, - убежден.
Сегодня, 12.12.2021 года мир отмечает 200-летие со дня рождения Гюстава Флобера.
Не знаю, когда вы открыли для себя этого писателя.

Я помню, что в детстве зачитывался его романом «Солаambo» - романом о восстании наёмников в древнем Карфагене.

В молодости пришло время «Мадам Бовари». Вроде бы банальная провинциальная история. И не знаешь кому сопереживать - мужу-рогоносцу, ищущей любовного счастья Эмме, но сама эта двойственность, неоднозначность, отсутствие положительного героя – привлекали.

Думал, что только меня, оказалось, что весь мир.

С какой страстью французы следили за судебным процессом, где Флобера и его издателей судили за проповедь аморальности.

Победа Флобера на суде стала победой французской литературы. У мэтра учились Мопассан, Золя. Еще не была произнесена формула – смерть героя. Ею мы обязаны Ричарду Олдингтону, но смерть Эммы Бовари запомнилась многим.

Сколько появилось карикатур, где Флобера рисовали анатомом, вскрывающим тело бедной Эммы. А дело было в новой стилистике, которую исповедовал писатель, считавшей, что главное в литературе – «точные слова»

Роман «Госпожа Бовари» Флобер переписывал пять лет. Вот что такое поиск «точных слов»

Очень многие тут же принялись искать прототипа героини. Флобер был непреклонен, заявив – «Госпожа Бовари – это я»

И правда, личная жизнь писателя не сложилась. Женат не был. Детей у него не было. Одна, две любовные связи за 58 лет жизни. Флобер болел и боялся, что его душевная болезнь может передаться детям в наследство.

Поэтому вся жизнь уходила в творчество.

Кстати, о популярности «Мадам Бовари» могут свидетельствовать более десятка экранизаций романа, в том числе и в России, где Александр Сокуров поставил фильм «Спаси и сохрани»

После смерти Флобера в 1880 году оказалось, что в его письменном столе остались и неопубликованные произведения.

Фрагментами одного из них я завершу это эссе о писателе.

Гюстав ФЛОБЕР

ЛЕКСИКОН ПРОПИСНЫХ ИСТИН

- Автор — Необходимо «быть знакомым с авторами», нет надобности знать их имена.
- Актрисы — Пагуба наших сыновей. — Отличаются ужасным сластолюбием, предаются оргиям, поглощают миллионы (кончают жизнь в больнице). — Виноват! Среди них встречаются превосходные семьянинки!
- Дворянство — Презирать его и завидовать ему.
- Макиавелли — Не читая, утверждать, что он злодей.
- Обязанности — Требовать исполнения их от других, а самому от них отделываться. — У других есть обязанности по отношению к нам, но у нас по отношению к другим их нет.
- Продажа — Купля и продажа — цель жизни.
- Французская академия — Поносить её, но стараться, по возможности, туда попасть.
- Шампанское — Знаменует торжественный обед. — Делать вид, что терпеть его не можешь, говоря: «Это не вино». — Вызывает энтузиазм у «маленьких людей». — Россия потребляет его в большем количестве, чем Франция. — Благодаря шампанскому французские идеи распространились по Европе. — Во время Регентства только и делали, что пили его. — Его не пьют, а «опрокидывают» залпом.

16.12.2021

Смешно пересказывать свои сны.

Чаще всего они фрагментарны. Понять, что вызвало, что побудило тот или иной сон – не в состоянии.

И все же...

Простите, но этот пост вызван сном. Я бы даже сказал реальным сном.

В эту ночь, в мой сон ко мне приходила Лена Касьян.

Мы сидели на кухне, что-то пили из двух рюмок-мух, только подаренных мне, и Лена читала стихи.

Вроде бы в дверь звонили.
А Лена, как бы импровизируя, читала:
«И в дверь звонят, и надо бы открыть,
А он стоит и не подходит к двери»
Не помню, какие стихи читала Лена. В памяти остались две строки.
Смеялась, что родилась в конце ноября, а я в начале декабря, живем лицом к зиме...
Утром я перелистывал стихи и песни Лены. И неожиданно для себя нашел:
«И в дверь звонят, и надо бы открыть,
А он стоит и не подходит к двери»
Этого не могло быть. И это было. Всегда восхищался ею самой, её мужеством и женственностью,
её песнями, сказками, стихами.
Какие волшебные стихи оставила нам Лена.
Решил напомнить себе и вам её строки

Елена КАСЬЯН

Уже зима
касается плеча.
Покуда страх отлаживал прицелы,
мы говорили
о простых вещах
и потому опять остались
целы.
В картонном небе
пробивая брешь,
моя печаль
летела и летела,
но тишины винительный падеж
теперь всё строже
спрашивает
с тела.
В который раз в попытке уравнять
с воздушным змеем
самолёт бумажный,
я понимаю,
нечего сказать,
когда уже различие
не важно.
И к пустоте спиною прислонясь,
смотреть, как снег
проламывает
время,
и, наконец, увидеть эту связь
всего со всем, меня со всеми.

* * *

Но нет, зима не будет вечной.
Трамвай плетётся до конечной,
Глаза слезятся на ветру.
Всё образуется, конечно,
Я не умру, я не умру...
Мы непременно будем живы.
И будет снег неторопливый
Идти, как символ чистоты,
Как будто многорукий Шива
Рассыпал белые цветы.

Заметены ориентиры,
Пустоты, трещины и дыры,
А снегу словно нет конца.
В пространстве маленькой квартиры
Бесценны тёплые сердца.
Но нет, зима не будет вечной.
Мы далеко не безупречны,
И не научены пока
Вплетаться мышцею сердечной
В поэму мира на века.
Когда опомнишься от бега,
Твой дом становится ковчегом,
А жизнь по-прежнему права.
И где-то глубоко под снегом
Растёт упрямая трава...

* * *

На белом свете и зима бела,
(и разве важно, что там, в междустрочье).
Вот человек встаёт из-за стола,
к окну подходит,
а смотреть не хочет.
Он знает дом напротив, знает сквер,
машины на обочине, парадный,
он знает, что соседский фокстерьер
гуляет в это время.
И досадно,
что ничего не скрасила зима,
не обманула и не удивила,
а только чуть пространство забелила
и, слава богу, не свела с ума.
А потому, пожалуй, повезло,
и можно жить
неспешно и подробно...
И так стоит, упёршись лбом в стекло,
и так стоит, упёршись сердцем в рёбра.
И снег идёт,
во всю собачью прыть
несётся пёс,
играют дети в сквере...
И в дверь звонят, и надо бы открыть.
А он стоит и не подходит к двери.

17.12.2021

ТАЛАНТ ЕДИНСТВЕННАЯ НОВОСТЬ, КОТОРАЯ ВСЕГДА НОВА

Не часто стихи, написанные «на случай» - то ли ко дню рождения, то ли к юбилею – остаются в большой литературе.

В конце пятидесятых годов, когда Бориса Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго», уже не публиковали, я к удивлению прочитал в журнале «Театр» его письмо в стихах актрисе Зуевой.

Это сейчас я знаю, что Анастасия Платоновна Зуева с 1916 года актриса МХАТА.

Это сегодня 17 декабря её день рождения, ей было бы 125 лет.

У неё была роль, которая принесла её славу в театральной среде - Коробочка в «Мертвых душах» Гоголя, которые инсценировал Михаил Булгаков.

Народная артистка СССР

По воспоминаниям современников, в Зуевой сочеталось несочетаемое. Любимая актриса партийных бонз, она заступалась за репрессированных и дружила с тремя патриархами Всея Руси — Сергием, Алексием Первым и Пименом.

Комическая старуха на сцене и на экране, Зуева была светской дамой в жизни.

Любила литературу и литераторов, у неё дома бывали Булгаков и Пастернак

На свой юбилейный спектакль, естественно, не обращая внимание на травлю, пригласила Бориса Пастернака.

Вот такой удивительной женщине и посвятил Пастернак эти строки:

Борис ПАСТЕРНАК

Актриса

Прошу простить. Я сожалею.
Я не смогу. Я не приду.
Но мысленно — на юбилее,
В оставленном седьмом ряду.
Стою и радуюсь, и плачу,
И подходящих слов ищу,
Кричу любые наудачу,
И без конца рукоплещу.
Смягчается времен суровость,
Теряют новизну слова.
Талант — единственная новость,
Которая всегда нова.
Меняются репертуары,
Стареет жизни ералаш.
Нельзя привыкнуть только к дару,
Когда он так велик, как ваш.
Он опрокинул все расчеты
И молодеет с каждым днем,
Есть сверхъестественное что-то
И что-то колдовское в нем.
Для вас в мечтах писал Островский
И вас предвосхищал в ролях,
Для вас воздвиг свой мир московский
Доносчиц, приживалок, свах.
Движеньем кисти и предплечья,
Ужимкой, речью нараспев
Воскрешено замоскворечье
Святых и грешниц, старых дев.
Вы — подлинность, вы — обаянье,
Вы вдохновение само.
Об этом всем на расстояньи
Пусть скажет вам мое письмо.
22 февраля 1957 г.

Эти строки высечены на памятнике Анастасии Платоновне Зуевой(1896 – 1986) на Новодевичьем кладбище...

Уже редко пополняется моё собрание поэтических книг начала века, а я собирал прижизненные издания, и живопись, графику. Давно пропал азарт коллекционирования.

Но, конечно, радуюсь, когда что-то неожиданно пополняет собрание.

Я уже писал, рассказывал о рукописной тетрадке Георгия Иванова...

Ряд драгоценных подарков получил в декабре. Феликс Кохрихт, зная, что меня всегда волновали книги с автографами, подарил воспоминания Раисы Орловой и Льва Копелева, «Мы жили в

Москве» с автографом Копелева 1991 года и живописный этюд Люсика Межберга, мои друзья и коллеги по «Вечорке» Галя Тульчинская и Толя Мазуренко - литографированный портрет Павла Щёголева работы известного художника Юрия Анненкова.

Об этой литографии хочу рассказать.

Во-первых, что такое литография? Это один из видов гравюры, когда художник наносит рисунок на литографский камень, откуда потом и идёт печать. Литография позволяет добиться интенсивности черного и белого почти как в тушевом рисунке.

Юрий Анненков – русский и французский художник (1889-1974) – мастер портрета.

Настоящая слава к нему пришла в 1918 году, когда он оформил поэму Александра Блока «Двенадцать». Именно оформил, а не проиллюстрировал, так как Анненков создал артефакт, произведение искусства, где иллюстрации и текст неразрывны.

В эти же годы художник активно занят портретированием своих современников. В 1922 году выходит его альбом «Портреты». Тексты к нему написали Евгений Замятин и Михаил Кузмин, а Анненков дал 80 (!) портретов.

Когда-то этот альбом я впервые увидел в собрании Ивана Михайловича Федоркова. У него же был в коллекции прекрасный портрет работы Анненкова – Велимир Хлебников. После гибели полковника Федоркова (его убили бандиты, украв коллекцию), ни портрет Хлебникова, ни этот альбом Анненкова больше не всплывал.

Юрий Анненков рисовал с натуры не только Блока, Ахматову, Пастернака, Ремизова и многих других ключевых фигур Серебряного века, но и «новую власть» - Троцкого и Зиновьева, Сталина и Радека, его портрет Ленина был признан лучшим на всероссийском конкурсе 1924 года. Но в душе он презирал и ненавидел новую власть. Об этом можно прочесть и в его романе «Повесть о пустяках», и в цикле трагедий «Дневник моих встреч»

В 1926 году Юрий Анненков едет с выставкой в Венецию. И отказывается вернуться в СССР.

Поселяется в Париже, где начинается новый, почти полувековой, период его жизни, связанный с театром, кино, иллюстрированием книг.

Долгая жизнь позволила Анненкову проиллюстрировать и «Мастера и Маргариту» Булгакова, и Солженицына.

А в СССР его альбомы уничтожали, его иллюстрации- даже к Блоку – были под запретом

Поэтому каждая сохраненная кем-то литография – след человеческого подвига.

А теперь о человеке, чей портрет пополнил моё собрание.

Павел Щёголев – фигура легендарная.

Крестьянский сын, вопреки закону, закончивший гимназию, а затем университет

Историк, опубликовавший сотни документов, исследователь декабристского движения.

Биограф Пушкина. Его книга «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшая в 1916 году, была настольной у русской интеллигенции, во многом формировала понимание Пушкина.

А сам Щёголев не раз сидел в тюрьме, даже в Петропавловской крепости за связь с революционерами. Но и там писал, работал.

Уже после революции вместе с Алексеем Толстым Щёголев написал ряд пьес, но главные стали авторами нашумевшей мистификации, придумав «Дневник Вырубовой»

Историк и писатель потрудились на славу, но жива оказалась Вырубова и разоблачила подделку.

Умер Павел Щёголев в 1934 году. В величии и славе. На 12 лет пережив свой портрет работы Анненкова, который был спрятан в спецхраны.

О Павле Щёголеве в сети есть великолепная статья Ивана Толстого, внука Алексея Николаевича Толстого. И опять же в сети можно найти и посмотреть сотни портретов Юрия Анненкова, прочесть его книги.

На фото – литографию Ю. Анненкова – Павел Щёголев.

